

ДИВИДУУМ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ

Кирилл РОДИН

аспирант, философский факультет. Государственный академический университет гуманитарных наук. 119049, Российская Федерация, Москва, Мароновский переулок, д. 26; e-mail: rodinone@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Предметом исследования является феномен ложной идентичности в индивидуальном и социальном контекстах. История характеризуется постоянным процессом индивидуализации, но в современном обществе он оказывается крайне противоречивым. Парадоксальность заключается в том, что в эпоху глобализации, мультикультурализма, свободного доступа ко всем знаниям мира индивид отделился от самого себя. Человек утратил свою внутреннюю целостность. В рамках анализа механизма самоидентичности, демонстрируется его структурность: внутренняя, внешняя и экзистенциальная идентичности, где последняя представляет собой основу всякой идентичности вообще. В процессе сопоставления полученных данных с сегодняшними социальными реалиями, обнажаются трудности данного механизма, приводящие к нулевой идентичности. В то же время показывается, как этот феномен воздействует на общественные процессы. Таким образом, рассматриваемое явление имеет множество смыслов и толкований. Но в первую очередь это не просто потеря себя, это страх перед осознанием внутренней свободы, с которой человечеству предстоит столкнуться.

Ключевые слова: идентичность, свобода, я, другой, идентификация, самопознание, самосознание, целостность, самоидентичность, выбор

И я плыву по зеркалам,
в которых отражаться
некому.

В. Егоров

О чём думает человек, сталкиваясь со своим отражением, какими вопросами он задаётся? Пугаясь, пытается скорее отвести взгляд или же, наоборот, преодолевая страх и трепет, желает получше разглядеть смотрящего? Наверное, каждый из нас, вглядываясь в своё отражение, хоть раз невольно задавался вопросом: кто же я? Действительно, зеркальное отражение очень сильно влияло на людей, впервые столкнувшихся с возможностью существования «второго я». Проявления этого пугающего знакомства с самим собой мы можем видеть в фольклоре, поверьях, мифах и художественных произведениях каждой культуры. Например, в современной Японии в антикварном магазине можно увидеть всё что угодно, но вот зеркало – никогда. Никто не продаст, никто и не купит. Как и тысячелетия назад, в этом мире новейших технологий полагают, что в зеркале остаётся душа хозяина, поэтому зеркала не продают – новый владелец может навредить душе [13, с. 200–205]. Открываясь реальности одновременно манила и пугала человека своей непостижимой глубиной. Зеркало обрело поэтический символ – знак, несущий в себе тайные смыслы. Всматриваясь в отражение, мы погружаемся в свой внутренний мир, пытаемся проникнуть в свою подлинную сущность или же, наоборот, блуждаем на поверхности, словно опасаясь знакомства с самим собой. Можно предположить, что столкновение со своим двойником, с человеком по ту сторону реальности, пробудило в индивиде желание сопоставить свой внутренний и внешний образ, сравнить, понять, кто настоящий. Недаром идея Другого находит своё отражение в литературе эпохи романтизма, в психоанализе и философии.

Мартин Бубер считал, что человек становится собой лишь в результате диалога Я – Ты, где Другой воспринимается как субъект, во всей своей неповторимости и уникальности. В то же время Другим могу быть и Я сам. Именно этот способ автокоммуникации является основой самоанализа и размышления вообще. Бессознательное выступает речью Другого-во-мне, проявляя себя также через сны, воспоминания, видения и галлюцинации. Здесь возникает проблема двойничества, где двойник является тёмной стороной личности, воплощающей бессознательные содержания. Таким образом, поверхность зеркала может быть представлена как граница между сознательным и бессознательным, где случайно брошенный взгляд на своё отражение позволяет увидеть себя с неожиданной стороны. Наверное, именно поэтому, как бы стремясь избежать конфликта несоответствия между своими внутренними и внешними образами, психика человека табуирует и наделяет зеркала мистическими, порой пугающими свойствами, тем самым ограничивая знакомство индивида со своими не самыми приятными сторонами.

В свою очередь, вдохновлённый работами Арни Валлона, Жак Лакан предпринял попытку связать его идеи с психоанализом. Стадия зеркала описывает образование Я посредством процесса идентификации своего образа с собственным отражением. Лакан считал, что это важнейший этап становления человека, время между 6 и 18 месяцами жизни. Ребёнок, ещё не владеющий координацией своего тела в должной мере, видит в зеркале свой целый образ, что не соответствует его внутренним ощущениям. Этот контраст, по мнению Лакана, запускает в ребёнке механизм продвижения к самому себе, к признанию себя [8, с. 331].

Как мы видим, процесс самоидентификации запускается с самого детства, что говорит о глубинной потребности человека узнать себя в сравнении. Трудно представить себе индивида, существующего отдельно от всего человечества. Находясь бок о бок с подобными себе существами, мы задаёмся вопросами: «на кого я похож?», «в чём наше сходство, а в чём различие?», тем самым раскрывая уникальность и неповторимость природы своего бытия. Таким образом, соотнося внешнее с внутренним, индивид познаёт себя, всё глубже проникая в личностное ядро.

Ценность и задачи механизма идентичности

Самоидентификация – это не просто обретение внутренней целостности, поиск себя, солидарность с другими индивидами. Это отношения с реальностью, попытка определить не только себя в этой реальности, но и саму реальность через себя. Так, например, в рамках национальной идентичности индивид может утверждать: «я – русский». Это одна сторона вопроса, определение себя через какую-то заданную реальность. Но может возникнуть и другой запрос: «а что, собственно, делает меня русским?». Такая постановка вопроса побуждает человека выйти на более глубокий уровень познания своей национальной идентичности: исторический, культурный, психологический. Индивид приобретает не просто знания. В его внутреннем мире возникает чувство родства со своими потомками, трепет и уважение культурных особенностей и традиций. Динамика такого взаимодействия направлена на обретение понимания своего мира, себя и своих отношений с этим миром. И результатом этих отношений является ощущение почвы под ногами, целостности, внутренней уверенности и стойкости перед различными проявлениями реальности.

Изначальные отношения индивида и реальности строятся на некой заданности. Перед нашими глазами всегда существует образец, который имеет прошлое и будущее измерение. С одной стороны, некоей заданностью выступает пол, нация, язык, культура, семья, традиции. С другой стороны – предназначение, цель (продолжение семейного

дела, профессии). Реальность, предоставляя готовые шаблоны идентичности, помогает индивиду справиться с жизненными ситуациями, даёт понимание своего места в мире, чувство единства с другими людьми. Самотождественность в данном случае предстаёт как нечто фиксированное, заданное, постоянное и неизменное. Конечно, такое внешнее подобие может как соответствовать, так и не соответствовать внутренней сущности человека.

Проблема идентичности тесно связана с темами личности, свободы, сущности индивида, также затрагивает цели и смыслы человеческого бытия. С уверенностью можно утверждать, что незнание своего Я сказывается на качестве всей жизни человека. Так, например, индивид, опирающийся лишь на факт внешнего родства, схожести, одинаковости, строит свою реальность по заданным лекалам. Реальность уже есть, не надо ничего придумывать и изобретать. Но это будет лишь иллюзией существования, имитацией жизни, мимикрией. В попытке ответить на вопрос «кто я?» индивид может перечислять свои роли, что принесёт лишь временное удовлетворение.

Для такого способа существования характерно принятие социальных установок, отказ от выбора, поиска чего-то нового. Конечно, индивид может довольствоваться лишь внешними аспектами бытия, оставаясь в рамках заданной идентичности. Реальность человека становится ограниченной, как и сам человек: его заданность статична. Если река останавливает своё движение, то она превращается в болото. В метафорическом смысле такой человек мёртв. Любые попытки расширить его границы восприятия встречаются враждебно. Такие ригидные формы идентификации находят своё выражение в характерологии. Например, идентичность орального характера инфантильна. Индивид представляет собой взрослого ребёнка. Отношения с реальностью граничат на уровне грёз. А попытки расширить границы восприятия встречаются механизмом сопротивления.

Идентичность может принимать характер подражания, целью которого является приспособление для соответствия более сильному и опасному существу. Точно так же подражание может быть направлено и на объект, вызывающий симпатии: подросток, повторяющий танцевальные движения популярного артиста, или заключённый, принимающий убеждения авторитета.

Поиск себя не ограничивается только внешним подобием. Очень важным для индивида является проникновение в свою внутреннюю самотождественность. Как отмечает Э. Эриксон, результат положительной идентификации включает в себя такие понятия, как уверенность в своих силах, активность, самостоятельность, целеустремлённость, обретение своего Я, любовь, чувство единства с людьми. Понимание и принятие себя создаёт положительную реальность для человека. Трудности воспринимаются как нечто естественное и необходимое.

Совсем иначе дело обстоит в ситуации незнания себя. Ложный образ включает в себя постоянное чувство внутренней тревоги, неудовлетворённости, отчуждённости, страха, а столкновение со своим иллюзорным представлением несёт в себе угрозу стабильности привычной жизни. Таким образом, индивид становится заложником двух стремлений: стремлением найти себя и страхом перед потерей стабильности. Терзаемый внутренними противоречиями, человек может начать жить чужими смыслами, проживая чужие жизни. Но такой путь уводит ещё дальше от себя. С каждым шагом становится всё страшнее признаться себе в своих желаниях. В результате возникают трудности в самовыражении, в определении своих желаний, ценностей. Жизнь теряет осмысленность, тускнеет многообразие переживаний. Часто это сопровождается такими словами: «я не знаю, чего хочу», «впереди нет смысла», «ради чего мне жить?», «меня нет»...

Вместе с потерей себя теряется и направленность в будущее, а если нет будущего, то ради чего жить в настоящем? Виктор Франкл писал: «Тот же, кто уже не мог больше верить в будущее, в своё будущее, был потерян. Вместе с будущим он утрачивал и духовный стержень, внутренне ломался и деградировал как телесно, так и душевно. Чаще всего это случалось довольно внезапно».

В качестве дополнительной иллюстрации о важности познания самого себя рассмотрим работу Ю.Г. Овчинниковой, где приводится анализ 22 случаев кризиса личной идентичности. «Результаты исследования показали, что утрата собственной непрерывности, а в некоторых случаях и социального признания происходит не только вследствие травмирующего события или несоответствия ценностей изменившимся условиям жизни, но и вследствие нереализации основных ценностей. Нереализация ценностей и устремлений не зависит от наличия внешней причины кризиса и её характера. Были выделены две основные формы нереализации: незнание своих истинных устремлений, что в большей степени характерно для ролевой спутанности юношеского возраста, и отказ от них в пользу устремлений других людей. Если в юношеском возрасте трудно понять свои устремления в силу недостаточно развитой рефлексии и дифференцированного самосознания, то в зрелом возрасте возникает страх перед их осознанием, т.к. оно означает необходимость изменений и угрозу стабильности жизни» [15].

Идентификация (от лат. *Identificare* – отождествлять), являющаяся процессом уподобления, – не только основа для поиска внутренней самотождественности, но в то же время может выступать в роли защитного психологического механизма, позволяющего уподоблять себя другому образу, растворяться в нём. Идентичность формирует не только человека, но и окружающую его реальность.

Всё это говорит нам о важности процесса идентичности в жизни каждого индивида. Недаром Эрих Фромм выделяет потребность в идентичности как одну из пяти базовых потребностей человека. С уве-

ренностью можно сказать, что вопрос самоидентичности не только является ключевым и универсальным в жизни каждого индивида, но в то же время является призмой, через которую можно анализировать культуру.

Внешняя и внутренняя идентичность

Как уже отмечалось выше, идентичность бывает выражением внешнего родства, сходства или же может быть проявлением каких-то внутренних репрезентаций. Но фундамент внешнего подобия не существует сам по себе, он опирается на какие-то внутренние ощущения, иначе происходит подмена внутреннего внешним. Индивид становится заложником иллюзий, что приводит к разрушению образа самого себя.

Идентичность, основанная на внешнем родстве, должна соответствовать внутреннему содержанию, соотноситься со своим идеальным Я. Фундаментом внутренней и внешней тождественности является взаимное родство, причастность, общее происхождение, единое основание, общее начало. Именно так происходит отождествление с какой-либо группой людей, семьёй, народом. В основе такого выбора лежит проявление природы человека. Правда, в полном смысле тождественными друг другу могут быть две вещи, но не люди. В современных условиях возникает проблема аутентичной идентичности в связи с развитием робототехники и технологий клонирования, где при наличии внешнего соответствия происходит подмена человеческой сущности чем-то искусственным. Поэтому в рамках внешнего подобия индивид соотносится со своей внутренней сущностью. Но такое самоопределение является выражением лишь одного измерения реальности.

Человек не ограничивается проявлениями своей телесности и социальной данности. В жизни индивида присутствует и другая немаловажная, и даже преобладающая составляющая: отождествление и сравнение себя с другими людьми через ценностную установку каких-либо идей, воззрений, взглядов. В отличие от внешней заданности здесь преобладает внутренняя направленность: некое желаемое, возможное. Такая идентичность является актом самопознания и самоконструирования. Внешним объектом в данном случае может выступать не только другой человек, но и система ценностей (религия, книга, произведение искусства, субкультура). Например, мотоклуб со своей символикой, эмблематикой, строгой внутренней иерархией и уставом. Или же отождествление себя с героем какого-либо произведения.

Процесс такого поиска представляет собой триаду, которая находится в постоянном динамическом взаимодействии между внутренними побуждениями субъекта (импульсивное и рефлексивное Я, идеальное и реальное Я) и внешними факторами. Но что является внутренним

мотивом той или иной идентификации? Истинная потребность в желании проникнуть в личностное ядро или же это лишь опора, позволяющая снизить внутренние напряжения, а может, это вообще попытка растворить своё Я, слиться с какой-то группой, переложить поиск своей тождественности на кого-то другого? Что является внутренним цензором, разрешающим принять ту или иную реальность? И в каком случае можно говорить о внутренней гармонии?

Можно предположить, что в основе выбора какой-либо самоидентичности стоит внутренняя мотивация «должен» или «хочу». Это не означает, что индивид отдаёт себе отчёт в собственных мотивах. Как правило, это происходит бессознательно. Например, если рассматривать персональную идентичность в рамках функции, то человек определяет себя через какую-либо специализацию (инженер, журналист и т. д.). И вот здесь возникает вопрос: чем продиктован данный выбор? Соответствием своим внутренним желаниям и ценностям или же давлением внешних факторов (традиции, воспитание, значимый Другой)? Человек конструирует себя через установки общества, родителей и культуры или же он только опирается на них и создаёт себя сам?

Истоки жизненной ориентации «должен» или «хочу» уходят своими корнями в детство. Недостаток родительской любви, излишняя требовательность, порождающая тревогу, сильная полярность в проявлении своих эмоций к ребёнку, создающие когнитивный диссонанс, – всё это сказывается на жизненной ориентации индивида, закладывает отношения не только с обществом, но и с самим собой. Согласно классическому психоанализу в роли такого цензора, совести, инстанции, предъявляющей строгие требования к Я, выступает Сверх-Я. Данное образование олицетворяет собой авторитет родителей: оно так же наблюдает за Я, руководит им и угрожает ему, как это делали ранее родители в отношении ребёнка. Сюда же включаются семейные, расовые и национальные традиции, а также требования непосредственного социального слоя. В результате преодоления эдипова комплекса Сверх-Я удерживает «существенные черты интроецированных лиц, их силу и суровость, их склонность к надзору и наказанию», в результате чего Сверх-Я, действующее в Я как совесть, может «стать жёстким, жестоким, неумолимым по отношению к опекаемому Я» [12].

Это говорит о том, что механизм идентичности, опираясь на болезненное Сверх-Я, создаёт внутри индивида негативную установку «должен», в результате которой человек конструирует себя не по своим лекалам, а по лекалам Других. Болезненное Сверх-Я, отбирая у Я власть в принятии решений, диктует человеку тот или иной выбор. Внутренний мотив в самоопределении исходит не из собственных устремлений, а из бессознательных программ. Здесь же у Фрейда находим следующее: «Изучение и терапия неврозов привели к выводу, что индивидуальное Сверх-Я содержит такие суровые заповеди и строгие запреты, которые

делают Я несчастным. Не выдерживая тирании Сверх-Я, несчастное Я спасается бегством в болезнь» [12, с. 688]. Точно так же идентичность может выступать в роли защитного механизма. Так ребёнок, не получивший признания одного из родителей, в будущем может идентифицировать себя с Дон Жуаном в бессознательных попытках восполнить материнскую любовь. Или же групповая идентичность может быть не чем иным, как бессознательной попыткой получения признания в глазах авторитета, на которого проецируется образ отца. Именно поэтому в 20-е годы Фрейд стал придерживаться точки зрения, что при всех формах психических заболеваний необходимо принимать во внимание «поведение Сверх-Я».

Из этого можно сделать вывод, что очень важным фактором в формировании внутренней идентичности являются отношения внутри семьи. Основу, оказывающую влияние на формирование позитивного или негативного содержания Сверх-Я, мы находим в концепции Э. Эриксона. В отличие от Фрейда, который уделял внимание эдиповому комплексу, Эриксон особое внимание уделяет первой стадии, на которой закладывается базальное доверие или недоверие. Протекание отношений по диаде ребёнок-мать, по мнению исследователя, формирует зачаточное чувство идентичности Я. Нормальное питание, сон, отсутствие дискомфортных ощущений в кишечно-желудочном тракте благодаря матери формируют в ребёнке чувство доверия. Присутствие матери в ситуациях невыносимого напряжения становится предсказуемым, что является важным фактором, в результате которого материнская поддержка превращается во внутреннюю уверенность в себе. Именно это осознание «взаимности» формирует базальное доверие по отношению к внешнему миру. Безусловно, немаловажными являются и последующие стадии развития, которые опираются на психосексуальное развитие по Фрейду. Четвёртая стадия, а также все последующие являются наглядной иллюстрацией важности базального доверия в процессе самоидентичности. При его отсутствии процесс обучения в школе может превратиться в чрезмерное прилежание, а бездумный конформизм, в средство эксплуатации. В попытках обрести недостающее чувство доверия своё Я отдаётся в пользование и распоряжение Другого. Одобрение в глазах окружающих из здоровой потребности в сравнении становится невротичной. Пятая стадия характеризуется половым созреванием, способным устранить последствия предыдущих фаз. Но если этого не произошло, то идентичность может стать заложником той или иной подростковой группировки [6, с. 192].

Похожую идею о важности базального (базисного) доверия к миру мы находим и в трудах Э. Гидденса. «То, что Эриксон называет базисным доверием, формирует начальный фундамент, из которого возникает совместная эмоционально-когнитивная ориентация к другим, объективному миру и идентичности» [18, с. 52]. Как видно из примеров, доверие

напрямую связано с чувством психологической безопасности ребёнка, закладывает его отношения с реальностью. Положительное протекание первой и последующих двух стадий по Эриксону создаёт внутреннее ощущение уверенности в своих силах, в своём Я, которые защищают индивида от будущих тревог, опасностей. Также это позволяет сохранять надежду и мужество в любых обстоятельствах. Поэтому атмосфера внутри семьи, создание условий для возникновения базального доверия играет существенную роль в жизни индивида, что делает возможным выработку Я-идентичности и идентичности других людей и социальных объектов.

Как мы видим, механизм идентичности не является простым соотношением внутреннего и внешнего мира. Этот процесс во многом обусловлен внутренними детерминантами, определяющими дальнейшие отношения с миром. Создание условий для безопасного поиска самодостовенности в детстве, умение принимать и слышать ребёнка формируют внутренний стержень, вокруг которого строится жизнь человека.

Свобода и идентичность

Мы рассмотрели два аспекта, составляющих идентичность индивида, – заданность и воспитание. Заданность представляет собой физическую обусловленность человека: тело, место и время рождения, начальные условия жизни. Воспитание – родительские программы, традиции, язык, культура и социум. Базальное доверие в рамках самоопределения человека играет существенную, но не основополагающую роль. Жизнь индивида не ограничивается только этими измерениями. Индивид может осознать эту данность и распорядиться своим наследством. Происходит переход от объекта к субъекту. Окружающий мир предстаёт перед человеком в виде набора противоречий и различных возможностей, в рамках которых происходит установление им своей идентичности. Это побуждает его самоопределяться по отношению к ним, выбирать ту или иную тождественность, опираясь на внутренние самоощущения и тем самым сознательно отказываясь от прочих. Таким образом, человек совершает выбор: принять свою природу, сославшись на её ограничения, или противостоять ей. Имея это в виду, проблему идентичности можно рассматривать в рамках проблемы выбора. Даже если подходить к тождественности через призму базального доверия (как позитивного, так и негативного), всегда присутствует тот, кто совершает выбор: установить подобие или же, наоборот, избавиться от идентичности, которая навязывается обществом или кем-то ещё. В этом смысле самоидентичность может пониматься как экзистенциальная идентичность, самодостовенность субъекта в ситуации выбора, в напряжении и усилии, в пространстве свободы [10]. Как отмечает Ж.-П. Сартр, «свобода чело-

века предшествует его сущности, она есть условие, благодаря которому последняя становится возможной, сущность бытия человека подвешена в его свободе» [17]. В таком ключе, опираясь на внутреннюю свободу, человек обнаруживает границы своего бытия, возможного и невозможного, желанного и нежеланного. Происходит самостоятельное конструирование самого себя. Т. е. идентичность, позволяющая индивиду явить самого себя, должна быть принята и осознана самим субъектом, но это возможно лишь при условии понимания своей свободы.

Но и на этом этапе возникают сложности, пожалуй, самые основополагающие. Ведь что происходит? Наличие свободы в выборе подразумевает также и наличие готовности брать ответственность за этот выбор. Ведь если в основе самоидентичности лежит попытка избежать ответственности, то принятие того или иного образа является лишь иллюзией, ни о какой экзистенциальной идентичности не может быть и речи. Но готов ли человек отправляться на самостоятельные поиски своего Я со всеми вытекающими последствиями или же ему проще переложить это решение на общество, культуру, традиции, религию?

Понятие свободы, как и идентичности, обрело форму во времена античности. Древние греки имели тесную связь с природой, где всё предначертано и предопределено судьбой. Первичные узы были очень крепки, но уже тогда индивид начал свой путь обособления. В.С. Библер пишет: «Но – одновременно и в том же отношении – древний эллин целиком, индивидуально отвечает за космический рок, за его завязку и развязку» [3]. Т. е. даже при наличии внешних факторов древний человек ощущает ответственность за свой выбор. Как отмечает Э. Фромм, первичные узы ограничивают человека, мешая самостоятельно определять свою жизнь. Но с другой стороны, эта целостная структура: идентичность с космосом, судьбой, племенем – даёт ощущение уверенности, почвы под ногами. Самое главное, что индивид в таком случае не является заложником чувства полного одиночества и сомнений. Каждый этап развития характерен открытием новой грани индивидуализации. Но вместе с этим ростом человек всё дальше отдалялся от природы. Таким образом, обретая свободу, человек расплачивался растущим чувством одиночества и изоляции.

Но почему человеку не удалось найти спасение в себе самом? Эрих Фромм в своём труде «Бегство от свободы», рассматривая особенности капитализма и индивидуализма у самых истоков их появления, делает вывод, что экономические, социальные и политические условия не могут стать опорой для позитивной реализации личности. Ею должна быть активная солидарность с другими людьми, в основе которой лежат труд и любовь.

Рассмотрим данную мысль более подробно. Ведь именно с развитием экономики, ростом промышленности у индивида пошатнулось внутреннее ощущение почвы под ногами. Связано это с тем, что индивид

начал обретать растущее чувство ответственности: что он делал, как делал, выгадал или прогадал. Это никого больше не касалось, только его. В средневековой системе капитал служил человеку, в современной всё стало наоборот – человек служит капиталу. Произошла подмена ценностей. Счастье подменяется умножением капитала. Если раньше прибыль нужна была для жизни, то теперь прибыль стала самой жизнью. Всё общество пропитывалось духом товарно-денежных отношений, что отразилось и на качестве человеческих отношений. Человек постепенно теряет свою внутреннюю сущность, становится товаром в глазах другого. Это же отмечается и в отношениях наниматель-наёмный работник, предприниматель-потребитель. Человек начинает продавать не только товары, но и себя, сам становится товаром. Именно поэтому возникает важность и ценность социальной роли, которая преподносится социуму. Более того, общество начинает диктовать свои правила, так сказать, трендовые черты. Если индивид не соответствует тем или иным качествам, которые востребованы на рынке, то он ничего не стоит. Таким образом, внешнее начинает приниматься за внутреннее. Понятие свободы как основополагающей теряет свою ценность. Внутренний мир, по большому счёту, больше никого не интересует. Соответственно это сказывается и на механизме идентичности. Важно не то, какой ты есть, а то, насколько ты успешен в глазах окружающих. Как отмечает Э. Фромм, «эта зависимость самоуважения от успеха предлагаемой “личности” объясняет, почему для современного человека популярность стала настолько важной. От неё зависит не только успех в практических делах, но и способность человека сохранить самоуважение; без неё человек скатывается в пропасть неполноценности» [20, с. 80–91].

Чтобы хоть как-то скрасить невыносимость своего бытия, человек начинает отождествлять себя с собственностью. Чем сильнее он не понимает себя, тем больше он нуждается в материальных вещах. Сюда же можно отнести потребность во власти, престиже, статусности.

Другая сторона проблемы свободы становится следствием развития капитализма. Массовое производство создаёт массовую культуру. На рынке началась самая настоящая гонка технологий. Промышленность развивается в геометрической прогрессии. Что сегодня казалось новым и необычным, уже завтра становится устаревшим и ненужным. При таком изобилии информации индивид, конечно же, просто не успевает вникнуть в суть вещей. Интернет меняет представления о пространстве и времени, происходит смешение культур. Человек просто не успевает остановиться и спросить себя: «Кто я? Куда я иду?». Ведь если он остановится, то может отстать от остальных, стать аутсайдером. Но даже если эти вопросы всплывают на задворках сознания, то, как правило, массовая культура не даёт опомниться. Идентичность давно стала средством манипуляции. В условиях постоянно меняющегося мира визуальная индустрия предлагает актуальный на сегодня образ, даёт смысл существо-

вания, и, чтобы хоть как-то скрасить невыносимое чувство одиночества и пустоты, человек примеряет новый образ. И ведь действительно, большинство людей не готовы следовать своему внутреннему побуждению не только потому, что для этого необходима ответственность, но также и по причине полной разбалансированности образов своего Я.

Таким образом, происходит утрачивание и обесценивание внутренней свободы в жизни индивида. Идентичность рассматривается только в двух измерениях, минуя экзистенциальную глубину. Поэтому проблема «Кто Я?» для человека нашей эпохи обретает весьма животрепещущий характер.

Современный человек и идентичность

Именно с сократовского «познай себя» мы можем характеризовать историю как процесс постоянно растущей индивидуализации. Интерес к данной проблеме никогда не угасал. Каждый век примечателен своим особым отношением к этой теме. Но в ситуации современности возникают проблемы идентичности, которые были неизвестны на протяжении большей части истории. Несмотря на наличие значительного числа исследований и работ, посвящённых человеку, он не был так далёк от самого себя. Как утверждает Мартин Хайдеггер, «никакая иная эпоха не могла бы похвалиться столь разнообразными знаниями о человеке, как время минувшего столетия» [21].

Эта мысль звучит парадоксально. На первый взгляд может показаться, что с ростом свободы, экономических возможностей, научных открытий, технологий, знаний во всех областях жизнь человека должна была стать проще и яснее. Действительно, если не всматриваться в детали, то так оно и есть: сегодня человек, лишённый возможности взаимодействовать с внешним миром, может учиться, работать, общаться и совершать покупки, не выходя из дома. Потенциальность самопознания практически безгранична: книги, видео- и аудиоматериалы, всевозможные тренинги, онлайн-консультации и т. д. И это лишь малая часть нынешних возможностей.

Но вместе с тем жизнь стала гораздо сложнее. Ведь за внешним упрощением скрываются сложнейшие механизмы. Появились профессии, новые области знаний, о которых человечество даже не могло и помыслить. Жизнь в целом стала куда многообразнее: меняются взаимоотношения, социальные институты, культурные особенности. Рушатся постулаты, устои, по которым жило человечество. Возможности самопознания лавиной обрушиваются на индивида. Характеристика, которую даёт Ортега-и-Гассет западному человеку, актуальна для России как никогда: «...западный человек заболел ярко выраженной дезориентацией, не зная больше, по каким звёздам жить» [16]. Конечно, это не мог-

ло не отразиться и на самоощущении человека. Структура Я настолько усложнилась, что индивид практически не в состоянии связать все части своего Я в целую картину.

Действительно, ведь в отличие от современного человека традиционный был плотно переплетён со своей социальной ролью. Его общественное положение никак не расходилось с представлениями о самом себе. Картина мира была достаточно ясной, что давало ему понимание своего предназначения и места в мире.

Тем не менее обрётённая свобода, стоящая на фундаменте немислимого числа сражений за неё, открыла человеку возможность самостоятельно конструировать себя, раскрыть весь свой внутренний потенциал. Никогда ещё у индивида не было таких перспектив и ресурсов для самореализации, которые предлагает ему современный мир.

Но что происходит? Вместе со свободой пришла и большая ответственность. Я – это уже не просто некая данность, это результат выбора. Далеко не каждый способен взять на себя такой груз. Корни всеобщей нелюбви к понятию «ответственность» обширны и уходят глубоко в человеческую историю. Начиная от поиска ответа у высших сил, судьбы и рока, заканчивая созданием авторитарных государств индивид, по большей части, бежал от принятия решений в выборе собственного пути. Сегодня же в этой роли выступает массовая культура.

Динамика мировых изменений просто невероятна! То, что вчера было открытием, сегодня уже не является чем-то достойным внимания. Это становится определённым инструментом для сознательного запутывания человека со стороны СМИ и производителей продукции. Ведь именно в наше время появляются такие понятия, как «вирусное видео», «мастера упаковки», «информационная война». Реклама начинает носить характер эпидемии, спрятаться от неё становится всё сложнее. Современные методы маркетинга изучают не только массовое сознание, но и индивидуальное. Каждый человек становится объектом статистических исследований, поведение которого можно предсказывать и моделировать. В результате постоянного визуального и информационного потока падает общий уровень концентрации. В попытках уловить всё необходимое, быть в «тренде» общественное сознание утрачивает глубину мысли. Эрих Фромм, например, называет современного человека потребителем с разинутым ртом. В результате этих процессов происходит подмена ценностей. Абраам Моль говорит о возникновении мозаичной культуры. Основной её характеристикой является хаотичность восприятия различной информации и отсутствие в сознании чётких иерархических структур. Индивид знает понемногу обо всем на свете, но структурность его мышления крайне ограничена [14]. В массе предлагаемых образов человек утрачивает свою уникальность, целостность, он становится штампованным, фрагментированным. Возникает новое явление – «человек-дефис», характеризующееся отождествлением себя

с каким-либо аспектом своей жизни (человек-токарь, человек-банкир, человек-депутат) [19]. Такая одномерность бытия ограничивает всё существование индивида. Эту же одномерность и усреднённость отмечает в своих трудах Карл Ясперс: «Индивид распадается на функции. Быть – означает быть в деле. Там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живёт как сознание социального бытия. В пограничном случае он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живёт коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того, невыносимым, в коллективе он спокойно принимает, как бы под властью иного импульса. Он мыслит своё бытие только как мы...» [22].

На первый взгляд может показаться, что данная проблема лежит на поверхности и довольно проста для осознания, но, увы, нормальным средним человеком это совсем не осознаётся. Осознать в себе внутреннюю дисгармонию, замкнутость, болезненное одиночество – слишком страшно. Именно на этой почве и растёт новый рынок развлечений, рождающий иные представления о досуге, свободном времени, хобби, предлагая индивиду спрятаться в фейерверке эмоций и сиюминутных наслаждений. Но как верно подмечает Э. Фромм, «от свиста в темноте светлее не станет».

Таким образом, наша эпоха столкнулась с совершенно новой проблемой, что и отмечается постмодернистами. Они показывают, что сегодня индивид не располагает условиями, которые могли бы обеспечить ему возможность адекватного и целостного восприятия себя. Самождественность личности разрушилась [5].

Всё это вытекает в проблему ложной идентичности – индивид теряет себя, отождествляясь с внешней реальностью: тело, материальные вещи, набор социальных ролей. Нарушилось восприятие ценностей. Внешнее принимается за внутреннее. Идентичность становится заложницей потребительского образа жизни.

Ложная идентичность

Стоит отметить, что растущая индивидуализация всё больше делает человека обособленным. Социальные связи утрачиваются, увеличивающаяся ответственность невротизирует индивида, делает его бытие невыносимым. Поэтому бегство от свободы становится единственным выходом. Человек попадает в замкнутый круг: вслед за постоянно увеличивающейся внешней свободой, свободой от, также увеличивается и внутреннее рабство. Бытие становится псевдобытием: псевдоличность, псевдоэмоции, псевдочувства. Массовость во всём своём проявлении сбивает с толку самосознание. Каждая страсть, которой одержим человек, может создавать «я», которое не есть настоящее «я» [2]. В таких

условиях человеку становится всё труднее определить и отличить потребности своей души, своей природы от навязанных образов, чужих мыслей, стереотипов, предрассудков. Как отмечалось выше, сознание и разум становятся мозаичными, поверхностными. Из-за неспособности отличить одно от другого происходит растворение в обществе и общественных ценностях. Власть над обществом становится еще сильнее, ибо интересы индивида ничто по сравнению с целями и задачами государственной машины. Но как мы отмечали ранее, убегая от свободы, индивид бежит от ответственности, а убегая от ответственности, он бежит от самого себя.

Безусловно, эту ситуацию можно рассматривать в рамках кризиса идентичности, но тогда анализ будет неполным. В отличие от кризиса идентичности, который характеризуется утратой старых моделей Я и поиском новых, ложная идентичность становится одновременно и местом спасения, и тюрьмой. Сложность современного мира заключается не только в неспособности адаптироваться и распознать самого себя в изменяющихся условиях, но также и в отсутствии условий, в которых можно было бы найти позитивную опору. Социальные институты пошатнулись, что отразилось на интенсивности проявления таких феноменов, как национализм и религиозность. В поисках опоры, места, где идентичность того или иного индивида будет принята, человек, сам того не осознавая, становится объектом влияния. Чем и пользуются различные тренинговые компании, создавая среду со своей иерархией, ценностями, возможностями. Данный феномен может иметь позитивный вектор развития, если подобная концепция служит своего рода местом, где индивиду даётся возможность почувствовать себя в безопасности, перевести дух, а потом, опираясь на внутреннюю свободу, отправиться в собственное путешествие. Но чаще всего происходит не раскрытие внутреннего измерения, а замещение внутренней тревоги на одобрение в глазах окружающих. В итоге, находясь в чувстве эйфории от признания и общности, индивид принимает ценности без какого-либо разбора и осознания.

В этом месте стоит задаться следующим вопросом: ложная идентичность – это проблема любого времени или только сейчас она стала актуальной? В каком-то смысле идентичность всегда ложная. Не только потому, что индивид гораздо богаче, чем сумма всех его частей, но ещё и потому, что процесс идентичности – это постоянный процесс поиска. В течение жизни человек конструирует себя и свой образ, в результате чего меняются и его идентичности. Сложность здесь заключается в другом. Помимо свободы, которая стала камнем преткновения в наши дни, есть и другой фактор, невротизирующий индивида. Человек прошлой эпохи был более целостным. Конечно, внешне он был более определён и постоянен. Его целостность давала ему спокойствие для проявления своей внутренней свободы, хоть она и была внешне до-

вольно-таки ограниченной. Но в то же время эта целостность ограничивала идентичность. Постоянство социальной роли также проецировалось и на представления об идентичности. Казалось, будто идентичность не прерывается во времени и социальных контекстах. Однако постоянство идентичности также характеризуется и непрерывностью изменчивости.

Сегодня вентиль внешней свободы не то чтобы открыт, можно сказать, что он отсутствует вовсе. Целостность из-за безграничности возможностей утратилась, свобода превратилась в своеволие и попустительство. Эти факторы послужили основным источником внутренних тревог индивида и бегством от своего Я. Вслед за постмодернистами можно предположить, что, став фрагментированным, Я исчезает. Но тогда мы снова возвращаемся к вопросу: «кто же совершает выбор?». Развитие культуры ведёт не к смазыванию индивидуального начала, а, наоборот, к его раскрытию. Человеческое Я никуда не исчезает, оно становится сложнее, многообразнее, открываются новые грани самовосприятия, а также возникают новые способы самоидентификации. Но от чего же бежит человек? Человек бежит от осознания своей безграничной внутренней свободы, которая создаёт ложное представление об отсутствии своего Я. Экзистенциальная глубина, всегда присутствующая в индивиде, стала заявлять о себе. Ощущение внутренней пустоты и бессмысленности жизни, возникающее в результате пресыщения дарами внешнего мира, – это и есть голос новой грани самовосприятия, с которой пришло время познакомиться. Сложность возникает из-за страха перед преодолением этой пустоты. Необходимо потерять себя, чтобы снова найти.

Поэтому феномен ложной идентичности можно охарактеризовать страхом перед экзистенциальной глубиной. Отсутствием связи между внутренним и внешним миром. Ложная идентичность становится следствием поверхностной жизни, незнанием себя.

Если подходить к этому вопросу структурно, то можно выделить три уровня данной проблемы.

1) Человек имеет относительно правильную, точную самоидентичность. В данном описании употребление термина «истинная идентичность» было бы не совсем верным. Как отмечает Эрик Эриксон, сложно представить себе индивида, которому удалось проникнуть в ядро собственной идентичности, создать внутренне устойчивый образ своей индивидуальности [6, с. 182]. Ведь самопознание – это бесконечный процесс в рамках человеческой жизни, это горизонт, который отдаляется от нас ровно настолько, насколько мы приближаемся к нему. Верное соответствие внутреннего и внешнего образа, как писалось выше, сказывается на качестве жизни индивида. Его душа практически не терзается вопросами: «кем быть и что делать?». Человек проживает свою жизнь, воплощая свои мечты, раскрывая свой внутренний потенциал.

Трудности жизни воспринимаются как необходимый этап для роста и развития. Как следствие, люди, живущие в соответствии со своим внутренним миром, «обречены» на счастье, ибо их энергия не расходуется на невротические проявления.

2) Расхождением между прототипом и его образом. Говоря иначе, несоответствие внутреннего и внешнего. Стоит отметить, что в такой ситуации можно говорить о преобладании базального недоверия в душе индивида. В попытках дополнить себя недостающими структурами психики фокус внимания переключается на признание извне, по большей части минуя внутреннюю субъективность. Конечно, свобода здесь тоже имеет место быть, но она также испытывает диктат базального недоверия. Данное состояние хорошо иллюстрирует так называемая звёздная болезнь. Человек, опьянённый успехом, утрачивает ощущение реальности. Книга, ставшая бестселлером, или же отлично сыгранная роль могут раздуть болезненно чувствительное Я до невообразимых масштабов. И человек становится заложником своего успеха, считая себя лучше других. Но рано или поздно этот пузырь лопается, т. к. внутренняя уверенность перестаёт подкрепляться реальными достижениями. При таком исходе человека может ожидать сильнейший кризис (способный трансформироваться в депрессию), в результате которого может произойти переосмысление своего бытия. Или же защитная реакция психики, обретая невротический характер, продолжит искать способы для существования в ложном образе, что лишь сильнее будет разрушать внутренний мир человека.

3) Идентичность, равная нулю. При таком состоянии можно говорить, что человек не имеет никакого представления о самом себе, он является продуктом воспитавшего его общества. Мышление человека формируется посредством чужих представлений. Идеи, услышанные где-то, проглатываются целиком без какого-либо осмысления и выдаются за свои. Как правило, такой человек конформен, он единица статистики. Здесь же в отличие от второго случая внутреннее подменяется внешним. Можно говорить о полном растворении в персоне. Человеческое Я проявляет себя, лишь исходя из общественных ожиданий. Индивид превращается в человека-имя, в человека-вещь, в человека-статус. Но в действительности персоне с точки зрения аналитической психологии – это лишь роль, маска, являющаяся результатом коллективной психики. Это своего рода компромисс между внутренним и внешним. В ситуации размытой идентичности происходит подмена представлений, индивид искренне начинает отождествлять себя со своей социальной ролью. Подобная идентификация является источником всякого рода невротизмов вообще. Успех в данном случае диктуется внешними, угодными обществу идеями. Но человек не может убежать от самого себя. Внутреннее Я всегда стремится пробиться наружу. Чем больше лишних наслоений, тем болезненней происходит переживание этой абсурдности, нелепости и

пресности бытия. Чтобы хоть как-то скрасить это невыносимое чувство внутреннего напряжения, многие становятся заложниками сиюминутных страстей, на чём и держится потребительское общество.

Трудности идентичности

Потребность человека пробраться в ядро своей субъективности никуда не уходит, но сложности современных реалий делают процесс идентичности крайне неоднозначным. Попробуем проанализировать некоторые стратегии идентичности, чтобы продемонстрировать их сложность в условиях нынешней эпохи.

Вне общества себе подобных человек и не подозревает, насколько он уникален, неповторим, красив, умён. Поэтому Другой крайне важен в процессах самоидентификации и самоопределения. Ведь в такой встрече раскрываются границы собственного Я. Другой – это не только партнер по коммуникации, но и тот, кто помогает индивиду раскрыть свою индивидуальность, особенность, отличность, инаковость. Но что происходит? Как отмечают постмодернисты, ловушкой оказывается именно открытость Другому. Истинного Другого нет, есть лишь пустота, социальная роль, человек-дефис, паттерн. Безличное тиражируется и даже клонируется. Взаимное обогащение друг через друга утрачивается и заменяется сопоставлением социальных точек. Объектом становится не человек, уникальный по своей природе, а его статус, так называемый успех.

Данная проблема находит своё проявление и в другом, не менее важном аспекте. Идеал, несущий в себе побуждение в стремлении к лучшему, совершенству, то, что мотивирует человека, закаляет его волю и характер в этом стремлении, сегодня утрачен. Идеал подменяется идолом (в переводе с греческого – образ, подобие). Идолом называется предмет слепого, безрассудного поклонения. Идолам приносили жертвы, для них совершались обряды, иногда жестокие и бесчеловечные. Люди, находившиеся во власти идола, не думали о том, что и для чего они делают, их действия были лишены всякого смысла.

Сегодня идеал, который мог бы восстановить утраченную целостность, отсутствует. Вместо него выступает идол, трансформированный в кумира. Успех такого образа можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это «обычность» объектов подражания. Вроде бы только вчера они были такими же, как и я, вследствие чего их успехи воспринимаются как собственные. Во-вторых, в тщетных попытках самоопределения такая идентификация может помочь выйти из внутреннего тупика. В-третьих, таким способом можно снять накопившееся психологическое напряжение. Идентифицируясь с телевизионным героем, на

которого так же, как и на зрителя, давит суровая действительность, – можно найти выход внутренней агрессии, насладиться чувством реванша над своими угнетателями.

Конечно, эти образцы в силу своей универсальности крайне популярны, что находит своё отражение в коммерции. Поэтому последнее время большим спросом у молодёжи пользуются материалы о правилах жизни успешных людей.

Но здесь лежит множество подводных камней. Нет ничего плохого в поиске вдохновения в историях становления знаменитых людей. Трудности возникают при попытке упрощения их жизни в какую-то небольшую модель или схему. Например, идентифицируясь со Стивом Джобсом, считая, что его образ жизни поможет обрести успех, индивид может перенять аскетический образ жизни. Но вся загвоздка заключается в том, что множество факторов, которые помогли Джобсу стать тем, кем он стал, просто отбрасываются. В итоге индивида, как правило, ждёт лишь одно разочарование. Также человеку свойственно обращать внимание лишь на те факты, которые отражают его мировоззрение. Так, например, четыре человека, читая одно и то же произведение, в зависимости от своей картины мира могут прийти к разным выводам. В результате у человека может сложиться пошаговая инструкция из набора личностных черт и особенностей различных знаменитостей. К сожалению, жизнь куда сложнее, более того, нам неизвестно, как внутренне ощущал себя тот или иной человек, через какие трудности ему пришлось пройти. В итоге возникает некий собирательный образ, за которым стоит лишь последовательность действий из некоего количества шагов. Но, увы, такое упрощение создаёт лишь иллюзорность правильности своих действий. Единственным критерием, о котором можно говорить в рамках успешности, – это попытка людей обрести собственное Я через реализацию собственных идей и мировоззренческих позиций.

Немаловажный фактор, который усложняет поиск идентичности, – это «упрощение» самой жизни в целом. Имеется в виду, что индивиду не нужно бежать в лес в поисках добычи, проблемы голода его не волнуют. Чума, которая могла выкосить целый город, давно побеждена. Конечно, в современном мире появились свои трудности, но, исходя из пирамиды Маслоу, можно говорить о том, что первичные потребности в целом удовлетворены. Человек еще ближе подошёл к вопросам смысла жизни и самоопределения в мире. А так как данная потребность труднонасыщаемая, вопрос идентичности становится более острым.

Помимо роли Другого существуют и иные стратегии идентичности. Например, биографическая. Анализируя своё прошлое, совершаемые поступки, чувства, индивид может сопоставлять себя с настоящим. В результате такого соотнесения могут возникнуть устойчивые идентификации. В современном мире это хорошо просматривается на примере социальных сетей: сохранение памяти о прожитой жизни в ведении

заметок, видео, фото и других материалов. Но это лишь одна сторона вопроса. Век расцвета технологий создаёт новые возможности для самоидентичности.

Если раньше популярность фотографии объяснялась лишь потребностью сохранения памяти о том или ином моменте, то сегодня прочная связь с различными гаджетами и постоянное подключение к сети меняет представление о фотографии. Современный человек становится объектом визуальной культуры. Память о самом себе превращается в производство новостей о самом себе. В качестве иллюстрации можно рассмотреть социальную сеть *instagram*.

Это интернет-пространство, где каждый пользователь, имеющий мобильный телефон с камерой и возможностью выхода в сеть, становится не просто фотографом, а производителем визуального контента. Единицей информации в данном случае является фотография, которая может подкрепляться комментарием автора. Каждый пользователь может создавать свою новостную ленту, подписываясь на обновления интересных ему людей.

Так и наоборот, пользователь может сам стать источником новостей. И чем интереснее контент, тем больше подписчиков. Немаловажная характеристика любой социальной сети – это моментальная обратная связь от пользователей в виде «лайков» (положительная оценка) и комментариев. Всё это становится следствием возникновения феномена селфи (англ. «*selfie*» от «*self*» – сам, себя, также встречаются названия селбашка, самострел. Разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру, иногда при помощи зеркала, шнура или таймера), что является объектом изучения многих современных исследователей (психологи, нейробиологи и другие).

Таким образом, публикация новостей о самом себе – это не только удовлетворение своего природного нарциссизма, но и желание заявить миру о своём существовании, стать частью информационного потока. В то же время селфи может выступать в роли инструмента внутреннего самопознания. Как отмечает доктор Джеймс Килнер, нейробиолог из Университетского колледжа Лондона [23], данный феномен можно объяснить слабым знанием и пониманием собственного лица. Также он отмечает, что это помогает нам «фальсифицировать себя», редактировать свой образ так, чтобы соответствовать собственному восприятию [4]. В том числе социальные сети дают возможность примерить образ, который сложно воплотить в реальной жизни. Как отмечает Дженнифер Оуллет, селфи – это виртуальный аналог материальных тотемов (сувениры из поездок, постеры и т. д.). Своего рода соединение внешнего и внутреннего. В то же время селфи выступает в роли самоидентичности, демонстрации себя в «правильном» образе, даже если он не имеет ничего общего с реальностью [4]. Успешность такой идентичности определяется количеством лайков и положительных комментариев. В итоге,

как уже отмечалось выше в работах Э. Фромма, человек становится товаром. В желании самоутвердиться и быть в тренде индивид, сам того не замечая, ищет возможности продать себя обществу, в результате чего человек может стать заложником ложной идентификации.

Более того, методы маркетинга очень успешно используют Интернет в своих целях. Популярные пользователи социальных сетей становятся скрытыми продавцами товаров и услуг различных компаний-спонсоров. Рекламуемый продукт становится частью жизни, как бы подчёркивая, а порой и позиционируя себя причиной успеха данного пользователя. В результате приобретения товара или услуги простой пользователь сближается с объектом своего восхищения. Происходит идентификация с кумиром, с его жизнью, с его «успешностью».

В попытках поиска удачной визуальной самоидентичности очень легко стать заложником своего образа. Но может быть и обратная ситуация: человек, понимая весь абсурд данной стратегии идентичности, будет испытывать чувство заброшенности и одиночества из-за непопулярности его реального образа. К сожалению, безличностное тиражируется. И, как следствие данной проблемы, самостоятельный отказ от своего настоящего Я может быть спровоцирован именно невозможностью нынешней культуры удовлетворить потребность в глубинном самопознании и принятии. Быть собой – это немодно, быть собой – это не всегда «успешно», быть собой, по большому счёту, никому не нужно.

Процесс идентичности в мире реальном тоже испытывает свои трудности. Определение себя через «участие», принадлежность к той или иной группе. Это так называемая партиципативная стратегия, которую немецкий социолог Алоиз Хан делит на две формы: функциональную и сегментивную [11]. Функциональная идентичность характеризуется специализацией, ролью, профессией. Например, учёный, отец, студент, преподаватель. Т. е. это идентичность в рамках общественных функциональных обязанностей. Это самоидентичность характерна тем, что, куда бы вы ни отправились, вы знаете, как себя вести и чего от вас ожидают. Сегментивная – это уже более узкая форма идентичности. Это причисление себя к некоторой группе «своих». Например, государственная, национальная, религиозная, какие-либо локальные сообщества, что, кстати, очень популярно в социальных сетях (например, движения велосипедистов или объединения спортсменов), также сюда можно отнести классовую идентичность [11].

Сложность возникает в том, что в условиях нашего времени из-за растущего научного и технического прогресса возникает всё большая специализация и изоляция. Так, например, если раньше инженер или учёный могли быть специалистами сразу в нескольких областях, то сегодня – это уже узконаправленная сфера знаний, в рамках которой должной компетентностью могут обладать от силы десять человек в мире, в результате чего возрастает запрос за сегментивную идентичность и, как следствие, растущий национализм и религиозность [11].

В течение дня человеку приходится сменить множество ролей. Мы имеем более чем достаточное количество средств самовыражения, но ни одно из них не является доминирующим. Слишком много событий происходит одновременно. Человек всегда ощущает, что он нечто большее, чем сумма всех его Я. Но именно из-за невозможности объединения в общую структуру возникает ложная идентичность как попытка снятия внутреннего напряжения. Но слияние с «массой» не принесёт должного удовлетворения.

Именно поэтому Ирвин Гофман отмечает, что для сохранения идентичности человеку необходимо овладевать искусством, устанавливая «ролевую дистанцию». Это умение отделять настоящего себя от социальной роли. Это инструмент и навык, позволяющий почувствовать, что личность – это нечто большее, чем задано ролью [19].

Последствия ложной идентичности

Что такое жизнь в мнимой самоидентичности? Это растрачивание своего потенциала впустую, это разрушение жизни в прямом смысле слова. Разве можно быть счастливым и здоровым, проживая чужую жизнь? Разве можно построить семью, если другой человек воспринимается товаром? Разве может труд приносить радость, если индивид не знает своего призвания?

Жизнь в ложном образе невротизирует человека, делая его несчастным. Что и сказывается на всех аспектах бытия. Индивид ощущает бессмысленность своей работы. Мотивация в виде финансовой свободы больше не работает. Человеку хочется ощущать какую-то значимость, вовлечённость в процесс, осознавать важность своих действий. Даже удовлетворяя все свои прихоти, душа остаётся невосполненной, о чём говорит постоянно растущий рынок различных тренинговых программ и духовных практик.

Психическое состояние людей не может не вызывать тревогу. Как отмечает американский публицист и философ Элвин Тоффлер, ресурсы человеческой психики не безграничны. Защитные механизмы могут не выдержать, и человек сойдёт с ума. Уже сейчас мы становимся свидетелями последствий ложной идентичности в масштабах общества.

Например, ещё в 1970 году Э. Тоффлер прогнозировал психологическое состояние современного общества. Основную проблему он видел не в дефиците сырья, не в разрушении экологической среды. Беда была в ином: психологические ресурсы человека не безграничны. Это особое психологическое состояние он приравнивал к «болезни», которой дал название футурошок (шок от будущего). Футурошок характеризуется внезапной ошеломляющей утратой чувства реальности, неумением ориентироваться в жизни, утратой, вызванной страхом пе-

ред грядущим [8, с. 36]. Вопрос, который волновал исследователя, был следующим: смогут ли люди приспособиться ко всё более усиливающемуся давлению событий, знаний, науки, техники, различного рода информации? Массовые неврозы, беспричинный страх, растущее психологическое состояние агрессии – это лишь малая часть симптомов, которые предсказывал философ.

К сожалению, пророчества Тоффлера сбываются. По данным Национального института душевных заболеваний, одна треть американцев страдает клиническим душевным расстройством в «каждый данный год», и половина американцев будет болеть им хотя бы один раз в течение своей жизни. Изменилась и ситуация в городах России, в первую очередь в Москве. Только больных тяжёлыми неврозами более 500 тысяч человек, средней тяжести – около миллиона, а о лёгких формах уже и говорить не приходится: по различным данным – от 2 до 3 миллионов [8, с. 40].

Чтобы как-то обезопасить себя, не дать ложному образу полностью поглотить индивида, психика человека бежит в болезнь. Цель такого бегства – это дистанцирование от опасных и разрушающих личность объектов. Так, например, актуальным заболеванием нашей эпохи является аллергия. Причём иммунная система бунтует не только против разнообразной химии. Возникает совершенно новая патология: аллергия на электромагнитные излучения (электровосприимчивость от англ. *electrosensitivity*). В научных сообществах до сих пор идут дебаты о природе возникновения данного феномена. В 2004 году данная болезнь рассматривалась лишь на физиологическом уровне [1]. Ни врачи, ни тем более общество пока не имеют общего понимания последствий негативного влияния электромагнитного излучения. Однако ВОЗ уже открыто признает реальность угрозы. Современные исследователи сходятся в том, что это проявление психофизиологии. Как полагают некоторые психологи, это бессознательное желание человека спастись от городской суеты. Как бы то ни было, всё больше людей в развитых городах страдают электровосприимчивостью.

Другой стратегией защитной реакции психики это трансгуманизм. Смартфон уже стал частью нашей жизни. Забыть телефон дома – это чувство тревоги и беспомощности на весь день. Как мы видим, психика человека уже не успевает за скоростью изменений. Александр Суворов говорил: «Если ты не можешь предотвратить безобразие, нужно его возглавить». Поэтому трансгуманисты видят решение этой проблемы в соединении человека с технологиями, способными многократно увеличить его возможности. В данной ситуации нельзя не вспомнить один из античных парадоксов: корабль, на котором Тесей вернулся с Крита в Афины, в течение длительного времени сохранялся в древнем святилище. Во время ремонтов в нём постоянно заменяли доски, вследствие чего среди философов возникла дискуссия: это тот же корабль или уже

другой? Одна из опасностей трансгуманизма – это растворение человеческого в технологиях, что порождает следующий вопрос: человек ли это вообще?

На первый взгляд ложная идентичность несёт в себе лишь негативный аспект и общество уверенно стремится к вырождению, но у данной проблемы есть и позитивное проявление. В этой безумной гонке, истощив все свои внутренние ресурсы, индивид может прийти к пониманию или же к первому шагу понимания своих истинных потребностей и желаний в виде осознания абсурдности и бессмысленности навязываемых образов и ценностей.

Одним из следствий такого осознания является движение, которое, кстати, набирает обороты, – дауншифтинг (с английского *downshifting*, переключение автомобиля на более низкую передачу, а также замедление или ослабление какого-либо процесса) – термин, обозначающий жизненную философию «жизни ради себя», «отказа от чужих целей». Это своего рода компромисс психики и требований современного общества. Как правило, дауншифтеры выступают против потребительского образа жизни и проживания в крупных городах. Основой движения является средний класс. Конечно, идеология движения в чём-то зависит от особенностей культуры и общества. Например, в Англии делается акцент на употребление и выращивание органических продуктов, а также на более осознанное отношение к экологии (раздельный приём мусора, вторичная переработка и т. д.). В России дауншифтинг находит своё отражение в переселении в развивающуюся страну, популярностью пользуются Индия и Таиланд, а источником дохода является, как правило, квартира, сдающаяся в аренду.

Хотелось бы выделить еще одно интересное явление современного общества: Каучсерфинг (с английского *CouchSurfing*, «путешествие на диванах»). Одна из крупнейших гостевых сетей, созданная с целью содействия процессу глобализации. Члены сети бесплатно предоставляют друг другу помощь и ночлег, организуют совместные путешествия (однако иногда по взаимной договорённости гости платят за еду или несут другие расходы). Идея состоит в том, чтобы активизировать межкультурный обмен и общение людей в дружеской неформальной обстановке.

Также возникают и другие не менее интересные сервисы. Например, существует социальная сеть дарения, где старые вещи обретают вторую жизнь. Возникают новые виды покупок и пользования – совместное потребление. Так, жители некоторых подъездов, объединяясь, приобретают инструменты для общего пользования.

Данные примеры хорошо иллюстрируют, что психика человека не может вечно находиться под гнётом навязанных убеждений. Индивид – это нечто большее, чем простой заменяемый винтик в системе.

Заключение

Влияние технологий, развитие скоростных коммуникаций, обилие информации перегружают психику человека, что сказывается на его восприятии, самоощущении, в том числе и идентичности. Бесспорно, всё больше людей, глядя в своё отражение, не понимают, кто же они на самом деле. Но действительно ли это проблема нашего времени? Разве человек эпохи романтизма или Средневековья был ближе к себе и не терзался вопросами своего Я? Ему было проще определиться со своим призванием и местом в мире. В строго ограниченных рамках идентичности нельзя с уверенностью сказать, что это был его собственный выбор, скорее принятие действительности с малыми возможностями внешней свободы, находящейся в зависимости от социальной роли. Человек прошлой эпохи был целостным, но не был индивидуальным. Как отмечает Бахтин, нехватку социальных ролей, а также постоянную потребность в идентичности удовлетворяли в карнавальной культуре. Мужчина мог быть женщиной, бедняк, как правило, в этот день становился королём со всеми оказываемыми ему почестями. В каком-то смысле идентичность всегда была ложной, потому что человек есть нечто большее, чем просто сумма его составляющих. Данный феномен частично является следствием постиндустриального общества, озабоченного ростом промышленности, технологий производства, а также научного прогресса. С растущей внешней свободой внутренний мир индивида остался не у дел. Н.А. Бердяев особо обращает на это внимание: «Наиболее духовно значительное в человеке идёт совсем не от социальных явлений, не от социальной среды, идёт изнутри, а не извне» [2]. Кризис идентичности, характеризующийся многими авторами потерей себя, это лишь внешняя сторона проблемы. Ложная идентичность – это страх перед осознанием своей внутренней свободы, своего истинного Я.

Нынешнюю эпоху можно характеризовать как новый, очень важный виток в развитии индивидуализма. Феномен ложной идентичности – это новый инструмент самопознания, пытающийся познакомить современного человека со своим сокровенным Я. Конечно, эта свобода страшит и пугает. Осознание этого экзистенциального измерения происходит по-разному, но, как мы видим, глубинная сущность берёт своё. Снова возвращается интерес к человеку, к его внутреннему миру. Потребление отходит на второй план, создаются места, где во главе угла стоит простое человеческое общение. Многие крупные компании начинают осознавать важность внутренней психической жизни каждого сотрудника.

Поэтому ложная идентичность – это новый этап осознания своей внутренней глубины. Это свобода, с которой предстоит столкнуться.

Список литературы

1. Аллергия к электричеству // Наука и жизнь. 2005. № 12. С. 49–50.
2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: YMCA-PRESS, 1952. 246 с.
3. Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
4. Биргер Пётр. Пользователи становятся идиотами. Главные теории селфи // Slon. [Электронный ресурс] URL: <http://slon.ru/biz/1100720/> (дата обращения: 05.11.2015)
5. Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 63–87. [Электронный ресурс] URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/04.pdf> (дата обращения: 05.11.2015)
6. Гуревич П.С. Психоанализ: в 2 т. Т. 1. Современная глубинная психология: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 544 с.
7. Гуревич П.С. Психоанализ: в 2 т. Т. 2. Современная глубинная психология: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 576 с.
8. Гуревич П.С. Психология: Учебник. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2015. 479 с.
9. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
10. Гулин С.П. Философия идентичности // Топос. [Электронный ресурс] URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (дата обращения: 05.11.2015)
11. Куренной Виталий. FAQ: Персональная идентичность // Постнаука. [Электронный ресурс] URL: <http://postnauka.ru/faq/10442> (дата обращения: 05.11.2015)
12. Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010. 956 с.
13. Мещеряков А.Н. Книга японских символов. М.: Наталис, 2003. 556 с.
14. Моль Абраам. Социодинамика культуры / Пер. с фр. Предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2008. 416 с.
15. Овчинникова Ю.Г. Роль конструктивного кризиса идентичности в развитии личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 164 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 202–206.
17. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто (Извлечения) // Человек и его ценности: сб. ст.: в 2 ч. Ч. 1. М., 1988. С. 98–99.
18. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 46–61.
19. Синькевич О.Б. Парадоксы персональной идентичности: современный контекст // Философия и социальные науки. 2014. № 3. С. 48–52 [Электронный ресурс] URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/106174> (дата обращения: 05.11.2015).
20. Фромм Э. Бегство от свободы // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.: Изида, Клиника глубинной психологии проф. П.С. Гуревича, 2004. С. 22–185.

21. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / Пер. с нем., послесл. О.В. Никифорова. М.: Логос, 1997. 176 с.
22. Ясперс К. Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013. 285 с.
23. Kilner James. The science behind why we take selfies // BBC News Magazine. 2014. 17 January. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/news/blogs-magazine-monitor-25763704> (дата обращения: 05.11.2015)